

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ
Ф.И. ТЮТЧЕВА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Восточный вопрос и тесно связанный с ним вопрос о принадлежности Константинополя – одни из самых ключевых вопросов в мировой истории, в которых, как сквозь призму, уже во второй половине XIX в. во всем своем исполинском масштабе проявились все наиболее сложные международные противоречия. Для русской внешней политики XIX в. проблема Восточного вопроса стала стержневой и в каком-то смысле роковой, а для русской публицистики и общественной мысли – проблемой наивысшего значения.

Несомненно, решение Восточного вопроса давало Российской империи существенные преимущества: укрепление стратегически важных позиций на черноморском побережье, защита южных границ государства, развитие торговли, в свою очередь способствующей процветанию южных районов, недопущение в Черное море английских и французских судов и т.д. Однако основная причина российской заинтересованности в решении комплекса балкано-константинопольских проблем была далеко не экономическая и не политическая: «То, что данный геостратегический вектор имел для русской политики особое идеальное наполнение – очевидно, – пишет современный историк-этнолог С.В. Лурье. – Страны, лежащие вдоль Константинопольского вектора, были странами восточно-христианскими, странами византийской ойкумены. Для великой православной империи, наследницы империи Византийской, они были продолжением ее собственного мира, как бы вынесенным вовне, насильственно отторгнутым от нее. И здесь возникало множество совершенно особых проблем» [1, С. 314].

Итак, стремление Российской империи к проливу Босфор и мечта о Софийском соборе Константинополя в первую очередь вдохновлялись идеями о «византийском наследстве», завещанном России, о ее миссии в качестве православной империи покровительствовать порабощенным мусульманской Турцией единоверным народам.

Корни балкано-константинопольского вектора русской внешней политики уводят в далекую глубь русской истории. Россия осознала и заявила свои права на «византийское наследство» еще в XVI-XVII вв., когда стала поддерживать тесные связи с православными народами Балкан и Леванта. В XVIII в. появился так называемый «Греческий проект» Екатерины II, в качестве основной цели предусматривающий восстановление Греческой (Византийской) империи со столицей в Константинополе. Государем этой державы по замыслу императрицы должен был стать ее второй

внук, намеренно нареченный греческим именем Константин. В ходе второй турецкой компании (1792 г.) план не осуществился, был отложен, но, как показало время, не забыт российскими императорами и политическими деятелями.

Таким образом, Восточный вопрос всегда имел для России не только огромное геополитическое, но и немаловажное историософское значение. Во второй половине XIX в. Восточный вопрос стал самым животрепещущим вопросом, актуальность которого русской общественностью обосновывалась как политико-экономическими, так и историческими причинами. Существенное значение придавали данной проблеме Ф.И. Тютчев и Ф.М. Достоевский, рассматривая ее с историко-философской точки зрения.

В данной работе мы попытаемся проанализировать историософские воззрения мыслителей на тему Константинополя и Восточного вопроса и сопоставить их. Опираемся мы будем на статьи Ф.И. Тютчева «Россия и Германия» (1844 г.), «Записка» (1845 г.) и «Дневник писателя» за 1876 год Ф.М. Достоевского. Отметим, что богослов и историк Г.В. Флоровский, указывая на близость взглядов Тютчева и Достоевского, также ссылаясь на «Дневник писателя»: «Без сомнения, существует некоторое сходство в мышлении Тютчева и Достоевского: живее всего оно сказывается в «Дневнике писателя»» [2, С. 233].

В своей монографии, посвященной идейным и художественным взаимосвязям творчества Ф.М. Достоевского и Ф.И. Тютчева, литературовед А.Г. Гачева дает интереснейший обзор русской философской мысли XIX в. В частности, она выделяет три основные концепции истории, существовавшие во второй половине XIX – первой трети XX веков: *концепция линейного прогресса* (П.Л. Лавров, Н.И. Шелгунов, Н.И. Кареев), *концепция краха и неудачи истории* (К.Н. Леонтьев, Н.Н. Страхов), *концепция истории как работы спасения* (А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев). К последней, по мнению исследовательницы, примыкали Достоевский и в некоторой степени Тютчев [3, С. 339-379].

Согласно Гачевой, центральная мысль этой концепции, возникшей на основе теории славянофильства, заключалась в понимании исторического процесса «как богочеловеческой «работы спасения», приуготовления условий для воцарения в мире Царствия Божия» [3, С. 352]. Земная история адептами данной религиозно-философской концепции воспринималась как промежуточный этап, по завершении которого произойдет *преображение* мира в некое новое бытие, полностью устроенное по закону Божьей воли. В рамках *концепции как работы спасения* Восточный вопрос получал глубокое смысловое значение, поскольку его разрешение в пользу Российской империи стало бы своего рода торжеством православия.

По мнению А.Г. Гачевой, для Тютчева и Достоевского, как и для идеологов вышеуказанной концепции, первоочередным было осознание

религиозного смысла русской истории и христианства как основной ценности русского бытия. «Мысль о России как «хранительнице Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах», – пишет А. Гачева, обращаясь к анализу философии истории Ф.М. Достоевского и используя его высказывание, – лейтмотивом проходит сквозь все рассуждения писателя о Восточном вопросе, и именно этим – свыше дарованным – статусом России оправдывает он, как и Тютчев, и заступничество ее за славян, и «*нравственное право*» на Константинополь» [3, С. 408].

Уникальность тютчевского взгляда на Восточный вопрос состоит в его нестандартной, религиозно-политической, двупланности: поэт пристально следит за развитием международного конфликта, трезво и прагматически оценивает его, но за каждым из происходящих событий прозревает глубинную историческую суть, поясняющую причины возникновения данного события и одновременно определяющую его будущую перспективу. Вот почему истинное значение Восточного вопроса, с несомненным учетом всех его сугубо прагматических сторон, выгодных для Российской империи, Тютчевым приравнивается к судьбоносному. Итогом Восточного вопроса, по мнению поэта, станет не просто расширение и укрепление российских государственных границ или увеличение экономической выгоды, а *закономерное* (предписанное Божьим законом) образование великой восточной державы, «для которой первая империя византийских кесарей, древних православных государей, служила лишь слабым, незавершенным наброском <...>» [4, С. 119].

Подход Тютчева к пониманию Восточного вопроса полностью историсофский. По его мнению, Восточный вопрос – это вопрос о восстановлении единства всей византийской ойкумены и возвращении в православное лоно ее исторического центра, Константинополя: «Есть ... вопрос, ... который обыкновенно называют Восточным вопросом; это вопрос об Империи» [5, С. 134]. По этой причине вопрос этот никак не может быть урегулирован одной дипломатией; последняя – лишь способ, внешне упорядочивающий ход событий. Но по своему глубокому содержанию Восточный вопрос – вопрос вечный, финальную точку в решении которого ставит вечный судья – сама история («Постоянные вопросы, вечные отношения может разрешить только история» [5, С. 134]).

Аналогичная мысль звучит у Достоевского, размышляющего на страницах «Дневника писателя» (июнь 1876 г.) о выгоде России от участия в решении Восточного вопроса: «Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой она следовала до сих пор неуклонно. Эта идея есть,

между прочим, всеединение славян; но всеединение это – не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству» [6, С. 45].

Налицо наличие совпадений во взглядах Тютчева и Достоевского на Восточный вопрос. Однако размышляя об источниках историко-философских концепций писателей, мы пришли к выводу, что несмотря на некоторую схожесть взглядов, их мировоззрение все же формировалось под влиянием различных теоретических идей. В этом нас убеждает цитата из «Дневника писателя» (июль-август 1876 г.) Ф. Достоевского: «Идея о Константинополе и о будущем Восточного вопроса так, как я ее изложил, – есть идея старая, и вовсе не славянофилами сочиненная. И не старая даже, а древняя русская историческая идея, а потому реальная, а не фантастическая, и началась она с Ивана III» [7, С. 57].

Достоевский не дает в тексте подробных объяснений касательно того, какую *древнюю идею* он имеет в виду. Тем не менее упоминание о славянофилах, развивавших в своих трудах идею о русской религиозной избранности, и прямая отсылка к Ивану III, в годы царствования которого сложилось сильное централизованное русское государство, подсказывает нам, что Достоевский, скорее всего, подразумевает идею о наследовании Русью византийской религиозно-имперской традиции, получившей свое уникальное выражение в теории «Москва-Третий Рим».

Ф. Тютчев также придавал периоду княжения Ивана III огромное значение, связывая этот важный в истории России этап государственного становления с переходом «христианской империи» (теория *translatio imperii*) в русское лоно и началом формирования предсказанной библейским пророчеством окончательной, *пятой* империи: «Что же до древней, первой Восточной Империи, роковое обстоятельство довлело над ее судьбами – она могла привлечь лишь малую часть племени, на которое ей следовало бы главным образом опираться. Она заняла только кромку мира, уготованного ей Провидением; на сей раз душе недостало тела. Вот почему эта Империя, несмотря на величие своего основного начала, постоянно оставалась в состоянии эскиза, из-за чего и не могла оказывать длительного и действительного сопротивления врагам, окружавшим ее со всех сторон. Для устойчивости ее территориального положения всегда не хватало основательности и глубины <...>. К тому же вследствие одного из тех событий, что чередуются по воле Провидения и одновременно естественного укоренения в истории, на следующий день после, казалось, своего бесповоротного падения под ударами судьбы Восточная Империя на самом деле окончательно вступила во владение собственным бытием. Турки заняли Константинополь в 1453 году, а через девять лет, в 1462 году, великий Иван III вступил на престол в Москве» [5, С. 137].

Таким образом, и Тютчевым, и Достоевским подчеркивается факт религиозной и племенной взаимосвязи между павшей Византийской

империей и окрепшей к тому времени Русью, а также преемственное продолжение византийских традиций державности в Московской Руси. Однако Достоевский в своих историософских построениях отталкивается от периода великого князя «всёя Руси» Ивана III, а значит, фокусирует свое внимание только на русской истории. Для Тютчева же в этом случае более актуальное значение имеет «*Восточная Империя*», история которой, по его мнению, началась с периода правления императора Константина I Великого, основавшего Константинополь. После рокового завоевания Константинополя турками и падения великой Византии дальнейшую историю существования Восточной Империи Тютчев связывает с историей Руси и уже здесь сближается с Достоевским, подчеркивая избранность русской православной церкви и мессианское предназначение России.

Получается, что обзор ретроспективы Восточного вопроса у Ф. Тютчева глубже, чем у Ф. Достоевского, хотя они и сходятся в одном – существенном для нас – аспекте: оба подходят к рассмотрению Восточного вопроса с историософских, а не политических позиций, оба указывают на провиденциальную роль России в его решении.

Достоевский противопоставляет рациональному и прагматическому анализу исторических процессов «Утопическое понимание истории» – именно так озаглавлена статья июньского номера «Дневника писателя» за 1876 г. В ней писатель излагает свое понимание «русского предназначения в идеале», которое заключается в том, что России в первую очередь предначертана миссия собирательницы славянских народов: «И не для захвата, не для насилия это единение, не для уничтожения славянских личностей перед русским колоссом, а для того, чтоб их же воссоздать и поставить в надлежащее отношение к Европе и к человечеству, дать им, наконец, возможность успокоиться и отдохнуть после их бесчисленных вековых страданий; собраться с духом и, ощутив свою новую силу, принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации» [8, С. 47].

Единство, о котором говорит Достоевский, органично и целостно, оно спаяно состраданием, гуманностью и племенным родством славянских народов. Он убежден: стимулом русского участия в национально-освободительной борьбе балканских славян является братское сострадание и беспокойство России за судьбу христианских народов, которые так долго находились под игом иноверной Турции и пристальным вниманием католического Запада, отвернувшегося от истинной христианской веры.

Точно так же мыслит и Тютчев, призывающий в стихотворении «Два единства» (1870 г.) «спаять любовью» союз России и всех православных славян:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»

Но мы попробуем спаять его любовью, —

А там увидим, что прочней... [9, С. 223]

Для Тютчева единство России с восточнославянским миром — априори органично, стержень этого единства — православная религиозная традиция, всецело оправдывающая необходимость вмешательства России в Восточный вопрос. В стихотворении «Рассвет» (1849 г.) поэт призывает Россию к решительным действиям:

Вставай же, Русь! Уж близок час!

Вставай Христовой службы ради!

Уж не пора ль, перекрестясь,

Ударить в колокол в Царьграде?

Раздайся, благовестный звон,

И весь Восток им огласися!

Тебя зовет и будит он, —

Вставай, мужайся, ополчися!

В доспехи веры грудь одень,

И с богом, исполин державный!..

О Русь, велик грядущий день,

Вселенский день и православный [10, С. 119]!

Совпадают взгляды Достоевского и Тютчева и на принадлежность Константинополя: «Константинополь — рано ли, поздно ли, должен быть наш» [8, С. 48]. Свое заявление Достоевский мотивирует следующим образом в том же июньском номере «Дневника писателя»: «... во имя чего же, во имя какого нравственного права могла бы искать Россия Константинополя? Опираясь на какие высшие цели, могла бы требовать его от Европы? А вот именно — как предводительница православия, как покровительница и охранительница его, — роль, предназначенная ей еще с Ивана III, поставившего в знак ее царьградского двуглавого орла выше древнего герба России, но обозначившаяся уже несомненно лишь после Петра Великого, когда Россия сознала в себе силу исполнить свое назначение, а фактически уже и стала действительной и единственной покровительницей и православия, и народов, его исповедующих. Вот эта причина, вот это право на древний Царьград и было бы понятно и не обидно даже самым ревнивым к своей независимости славянам или даже самим грекам. <...> это будет не одно лишь политическое единение и уж совсем не для политического захвата и насилия, — как и представить не может иначе Европа; и не во имя лишь торгашества, личных выгод и вечных и всё тех же обоготворенных пороков, под видом официального христианства, которому на деле никто, кроме черни, не верит. Нет, это будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющейся на Востоке, настояще новое воздвижение

креста Христова и окончательное слово православия, во главе которого давно уже стоит Россия» [8, С. 49-50].

Ф.И. Тютчев, как бы предвосхищая Ф.М. Достоевского, в одном из своих публицистических текстов упоминает о «возвращении» Константинополя, связывая с ним «окончательное образование великой Православной Империи» [11, С. 201]. Однако говоря о «возвращении» Константинополя, поэт совсем не имеет в виду насильственное завоевание города, принадлежащего территориально Османской империи, русской армией. Владение России Константинополем в полной мере объяснимо логикой концепции Тютчева. Константинополь воспринимается им не столько как столица будущей империи, сколько как православный центр, непосредственно связанный с историей всего христианского мира. Вот почему его возвращение – обязательное условие для образования предсказываемой поэтом новой и последней Восточной Империи.

Константинополь – ключ к пониманию историсофской концепции Тютчева, несущий глубинную смысловую нагрузку. Великая столица Византийской империи навеки связана с Россией, она мыслится поэтом как христианский центр, определяющий общую судьбу и историческое развитие православного мира. Тютчев даже фиксирует точную дату возвращения Константинополя – 1852 г., т.е. по прошествии четырех веков со дня завоевания его турками в 1453 г.: «Итак роковой 52-ой год ознаменуется новым раутом. – Он всплывет как розовый листок над всемирным водоворотом» [12, С. 110].

Как Достоевский верит в «утопическое» развитие истории, так и Тютчев воспринимает современную ему действительность как временной промежуток, период «междущарствия», предшествующий завершающему этапу. Промежуточный период «междущарствия», по логике Тютчева, верившего в циклический принцип развития истории, должен был смениться окончательным становлением новой христианской империи (Восточной Греко-Славянской Империи) уже в начале 50-х годов. Осуществление своих ожиданий поэт связывал с судьбоносным – в рамках не только российской, но всей мировой истории – исходом Крымской (Восточной) войны:

Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва

Новейшею из трех ее столиц [13, С. 136].

Таким образом, как Ф.И. Тютчев, так и Ф.М. Достоевский рассматривали Восточный вопрос прежде всего в его историко-религиозном, а не политико-экономическом значении. Вот почему совершенно неверно трактовать их взгляды на решение Восточного вопроса и принадлежность Константинополя как утопические или панславистские. Именно

историософский подход к рассмотрению проблемы позволил Тютчеву, а впоследствии Достоевскому расценивать Восточный вопрос как главный геополитический вопрос, от решения которого будет зависеть дальнейшая судьба не только балканских славян, но и всего православно-славянского мира.

Литература

1. Лурье С.В. Восточный вопрос // Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1997
2. Флоровский Г.В. Исторические прозрения Тютчева // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998
3. Гачева А.Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев). – М.: ИМЛИ РАН, 2004
4. Тютчев Ф.И. Россия и Германия // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. Т. 3. – М.: Классика, 2003
5. Тютчев Ф.И. Записка // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. Т. 3. – М.: Классика, 2003.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. Июнь. Глава вторая. Восточный вопрос // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 30 т. Т. 23. – Л.: Наука, 1981
7. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. Июль и август. Глава первая. Нечто о петербургском баден-баденстве // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 30 т. Т. 23. – Л.: Наука, 1981
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. Июнь. Глава вторая. Утопическое понимание истории // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 30 т. Т. 23. – Л.: Наука, 1981. С. 47
9. Тютчев Ф.И. Два единства // Тютчев Ф.И. Лирика. В 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1965
10. Тютчев Ф.И. Рассвет // Тютчев Ф.И. Лирика. В 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1965
11. Тютчев Ф.И. Отрывок // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. Т. 3. – М.: Классика, 2003.
12. Тютчев Ф.И. Письмо Н.В. Сушковой от 27 октября 1851 г. // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. Т. 5. – М.: Классика, 2005
13. Тютчев Ф.И. Спиритическое предсказание // Тютчев Ф.И. Лирика. В 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1965

Արևելյան հարցը Ֆ. Տյուտչևի և Ֆ. Դոստոևսկու հրապարակախոսության մեջ

Հոդվածում ներկայացված է Արևելյան հարցի և դրա հետ սերտորեն փոխկապակցված Կոստանդնուպոլիսի ճակատագրի վերաբերյալ Ֆ. Տյուտչևի և Ֆ. Դոստոևսկու մոտեցումների համադրական վերլուծությունը: Առաջնակարգ նշանակություն հատկացնելով ռուսական պատմության կրոնական իմաստին և քրիստոնեությանը որպես ռուսական կեցության հիմնական արժեքի՝ Տյուտչևն ու Դոստոևսկին դիտարկում են Արևելյան հարցը որպես հիմնախնդիր, որը Ռուսաստանի համար ունի ոչ միայն մեծ աշխարհաքաղաքական, այլ նաև ոչ պակաս կարևոր պատմափիլիսոփայական նշանակություն: Ըստ իրենց կարծիքի, Արևելյան հարցը սլավոնական ժողովուրդների միասնության օրինաչափ վերականգման խնդիրն է, և այսուհեղ առանցքային դեր է խաղում ուղղափառ կրոնական ավանդույթը: Տյուտչևի և Դոստոևսկու հայացքները համընկնում են նաև Կոստանդնուպոլիսի վերաբերյալ, որը մտածողների կողմից ընկալվում է որպես ամբողջ քրիստոնյա աշխարհի պատմության հետ կապված ուղղափառ դավանանքի կենտրոն: